

Может, это мода такая наступила, а может, действительно, люди к красоте потянулись, но многие в подъездах стали цветники разводить, стены расписывать, вывешивать репродукции, детские рисунки, и прочее, и прочее, и прочее... И наш подъезд не отставал от новых веяний.

Поэтому поначалу на эту картину никто особого внимания и не обратил. Тем более что висела она не на лестничной площадке, куда выходили квартиры, а между этажами. А точнее — между шестым и седьмым этажами.

Но ее заметили... Нет, не так... Ее — увидели. Сперва дети, а потом уже и взрослые.

Черепаша стояла на краю обрыва и заглядывала туда — вниз. Примерно четверть картины занимала ее спина, мы ее видели как бы сверху, а то, на что она смотрела...

О!!!

Там, внизу, каждый видел свое: долину горную, пески зыбучие, воды вздыбленные, кому-то виделась тоска щемящая, а кому и радость великая, а некоторые лицезрели даже недра земные и небеса бескрайние. Хотя и непонятно, как можно лицезреть небеса, заглядывая вниз, но и им тоже поверили, потому что каждый видел свое.

Не все делились увиденным, многие запирались, молчали, но были и такие,

которые уходили просветленными, и только малые дети всегда с восторгом описывали зримое.

Общим для всех в картине была только черепаха, стоящая на краю обрыва, уступа, пропасти, бездны, и заглядывающая вниз.

И вот еще что: все видели одноцветно и ее затылок, и ее глаза. Но ведь это же невозможно! Она ведь черепаха, а не камбала какая. Но так и было.

Со временем кое-кто начал понимать, почему он видит глаза черепахи, заглядывающей вниз...

Вниз, вверх,вширь,вглубь,в суть... Мы были ее глазами.

Смотрела она, а видели — мы.

В общем — жуть полнейшая!

Одни говорили, что картина эта от многих болезней лечит, другие утверждали обратное. Кто-то восхищался ею, а кто-то и проклинал, не картину, конечно же, а то, что являлось там — за краем. Особенно в этом усердствовали те, которые ее и в глаза не видели, они-то в основном и хаяли да слухи распускали: мол, не к добру все, нехорошо, знамение это...

Разделился во мнениях народ: чего больше от нее — вреда или пользы? А как же, когда одни плачут, на нее взирая, другие улыбаются да еще и подмигивают.

Но никого картина не оставляла равнодушным!

Никого, к кому она... Прикасалась.

Я не оговорился: прикасалась — она.

В скором времени весть о картине облетела всю округу. И люди к ней потянулись. Поначалу нам это даже льстило: еще бы, мы (не картина!) оказались в центре внимания соседних подъездов, домов, улиц. Стало приходиться много народа, иногда по одному, иногда семьями, а то и целыми экскурсиями, да еще и из других городов...

Но со временем стало это нас тяготить. Да и кому понравится — продирается к себе домой через кучу народа. А ведь люди все разные, были и такие, от которых дурно пахло, а то и того хуже. Да и подъезд весь испоганили. Тут тебе и окурки, и банки из-под пива, и другого мусора — горы.

Решили мы (соседи) от картины избавиться. Мол, такому произведению только в музее надобно находиться. Попытались снять ее со стены, ан нет, не далась картина. Ничего с ней поделаться не могли, как заговоренная.

И уж чего она только не претерпела: и воры ее умыкнуть пытались, и краской ее обливали, уфологи какие-то с нее мерки снимали и даже пальцем ее ковыряли... Но никому в руки она не далась и вреда никакого не испытала.

Картина по-прежнему висела на стене между этажами, в незатейливой рамочке, только чуть покосилась, и по-прежнему оторвать глаз от нее не было никакой возможности, и мурашки по спине, и волосы дыбом, и слабость в коленях, и слезы, и восторг...

Хотя самые проницательные все же подметили, что картина малость потускнела, та ее часть, куда заглядывала черепаха, вроде как поблекла, стало ее заволакивать дымкой, туманом, а может, и вообще мглой. И будто бы сама черепаха больше стала всматриваться не туда — вглубь, в туманную завесу, а наружу, на нас, значит. Но это им, конечно же, толь-

ко казалось. Потому как не может быть такого в природе, чтобы разом смотреть и вперед, и назад.

Быть такого не может!

А было!

Или все же казалось?..

Потом понаехал всякий ученый люд, и нас из подъезда выселили. Выселили хорошо, удачно — в новостройку. Так, что соседи из других подъездов обзавидовались. Но зависть их была недолгой, потому что они вскоре за нами последовали, и тоже — удачно. А произошло это с ними, как только к нашему дому люди в погонах пожаловали.

Генералы профессоров вежливо попросили...

Дом наш окружили забором, часовых выставили, колочей проволокой все обмотали и «Объектом» нарекли.

И тишина...

Полгода тишины.

Потом вроде как случилось что-то (или, наоборот, — ничего не случилось), охрану сняли, забор снесли, и съехали вояки, будто их и не бывало.

А в народе молва: будто бы старец какой-то, чудесным образом преодолев все кордоны, проник в «Объект», снял картину со стены, завернул ее в тряпицу и произнес: «Да... Рано еще». После чего ушел, исчез, растворился.

Вместе с картиной.

Оставил всех с носом!

И это никого не волнует.

Зато соседей моих волнует, как бы их обратно не переселили, только об этом и думают.

А я вот ведь о чем все время думаю: а ну, как тот старец ошибся, и не рано еще, а...

«ПОБЕДИТЕЛЬ»

Если хочешь почувствовать себя Богом — подай нищему пятитысячную.

Все началось с того, что мне понадобился простой карандаш. Позарез понадобился! Очень! А время позднее. И

магазин вот-вот закроется. Так бывает. Ну, бывает так: что-то крайне необходимо! А мне карандаш — во как был нужен! А магазин закрывается. А где другой, я не знаю, да и некогда мне было искать другой магазин.

Ну, я и рванул! Успел! Взял с полки 4М «Конструктор» и пошел к кассе. Успел!!!

И хотя из покупателей в магазине был только я, кассир громко объявил:

— Гражданин, поторопитесь, лавочка закрывается, — и пробурчал, как бы про себя, но явно так, чтобы я услышал: — Тоже мне покупка — карандаш! Да еще и бегом.

Но меня это совершенно не задело. Когда вам что-то надо, очень надо, вы ни на что внимания не обращаете, и я не обратил. Так что меня этот его выпад совершенно не задел, ну разве что самую малость. Так... небольшой осадочек.

— С вас двенадцать рублей, и, если можно, без сдачи.

— Неможно без сдачи, — как бы обронил я. И протянул кассиру пятитысячный банкнот.

— Вы что... Издеваетесь? Я уже кассу сдал! У меня в наличии лишь мелочь осталась. Завтра приходите. Разменяете и приходите.

И отобрал у меня (мой!) карандаш 4М «Конструктор».

Осадочек густел.

Я снова протянул ему пятитысячную и четко выговорил:

— Мне без сдачи.

Кассир посмотрел на меня очень внимательно. И я понял: до него — дошло. Но он вида не подал.

— Вы хотите купить карандаш за пять тысяч?

— Да, хочу. И именно этот: 4М «Конструктор».

— Так не положено. (Здесь он улыбнулся.)

— Кем не положено?

— Не морочьте мне голову.

— Мне ка-ран-даш нужен.

— Я же вам человеческим языком объясняю: у меня нет сда-чи.

— Давайте сюда всю вашу мелочь и отпустите меня с моим карандашом.

— А у меня всего тридцать рубликов с копейками... вот... пятьдесят копеек...

— Я согласен. (Тут улыбнулся я.)

Но кассир оказался крепким орешком.

— Вы хотите сказать, что собираетесь купить простой карандаш за... за... четыре тысячи девятьсот шестьдесят...

— Я знаю, за сколько...

— Нет, я договору! За четыре тысячи девятьсот шестьдесят девять рублей пятьдесят копеек? И зачем вам такой дорогой карандаш?

— Как зачем? — Я почувствовал, что начинаю закипать. — Скажете тоже «зачем», рисовать там или писать...

— Так рисовать или писать? (Он торжествовал.)

Но я уже сумел взять себя в руки. И, глядя прямо в его левый глаз, многозначительно произнес прямо в его правое ухо:

— И не рисовать, и не писать!.. Я его точить буду!

Он даже бровью не повел.

— А по какой причине «Конструктор»?

— Привычка.

— Почему именно 4М?

— Они чаще ломаются.

— А это так важно?

— Это самое главное!

— Отчего же?

— Точить люблю.

Тут мы оба выдохнули. Помолчали. Первым не выдержал он.

— Есть у нас авторучка, Паркер называется, с золотым пером, поршневая, надо только двадцать рублей доплатить. Я вам займу.

— Знаем мы эти займы! А если я заболео и не смогу сразу вернуть, вы меня на счетчик поставите? И на что мне ваш Паркер, у меня и чернил-то нет. Отдайте мне мой карандаш и разойдемся с миром.

Я попытался вернуть себе свою покупку, но не тут-то было, он вцепился в нее, и у нас началось молчаливое перетягивание карандаша, чего последний не выдержал и сломался пополам.

— Ну вот! Сломали! Теперь вам действительно придется за него заплатить.

— Я и хочу заплатить. Натге! — и протянул ему все те же пять тысяч одной бумажкой.

Но он продолжал гнуть свою линию:

— Вы думаете, что если у меня нет сдачи, то вы сможете уйти, так и не заплатив за сломанный вами карандаш?!

— Ладно. Если вы так! Давайте сюда все ваши 4М «Конструктор» по двенадцать рублей. Давайте-давайте. Со

всех полок и из закровов доставайте. Вот вам мои пять тысяч, сколько там получится на все? Считайте-считайте! И дело с концом! До утра будете считать, — и я посмотрел окно. А там уже светало!

— Что вы мне все время деньги свои суете? «Дело с концом!» У меня этих ваших «Конструкторов» 4М — штук десять осталось, всего — на сто двадцать.

— Давайте на сто двадцать!

— Но у меня все равно сдачи не хватит, — как-то (уже!) растерянно промямлил он.

«Ага! Сдаем позиции, — подумал я. — Да, слабоват ты оказался, кассир-ришка».

А он уже без всякой надежды предложил:

— Может, вам и другие карандаши сгодятся? Эрих Краузе — знатное производство, Профф — отличное качество, Вотерман. Есть и с резинкой — стирательной. А хотите — из сандалового дерева, они пахнут...

— Мне карандаш нужен не для того, чтобы его нюхать! — добил я его.

И каких только вариантов он ни предлагал: и оформить кредит, и безналичный расчет, даже украсть советовал, я твердо стоял на своем: «Вот пять тысяч, дайте мне мой «Конструктор» 4М, и basta!»

Я видел, видел, что кассир вот-вот прекратит сопротивление. Но он все же пролепетал из последних сил:

— Товарищ, у вас, очевидно, есть жена и дети, они волнуются, может быть, в полицию уже звонят, мечутся по квартире, кричат:

«Где ты, папка?» Приходите завтра и мы полюбовно...

Я понял, он полностью в моей власти!

— Да! Есть у меня и жена, и дети, — соврал я ему, — у меня только карандаша нет! А насчет «приходите завтра», так оно уже давно наступило, это самое «завтра». Рассвет начинается!

На его глазах появились слезы, он вынул из своего кармана коротенький карандашик, протянул его мне и тщетно попытался меня умолить.

— Возьмите мой, он точно 4М. Пожалуйста, можно я его вам подарю?

— Я не могу принять в подарок карандаш за пять тысяч.

— А вы примите карандаш за двенадцать рублей, это ведь мой карандаш, я за него двенадцать заплатил.

— Ну, если только в подарок... (и это все я произнес на улыбку!)

— В подарок. От души... И отпустите меня, мне в туалет очень надо.

Ну, надо так надо, я ведь не злодей какой, чтобы раненых добывать — отпустил. А сам домой пошел с высоко поднятой головой. На работу пора было собираться. Ночь-то мигом пролетела! На душе было радостно и легко. Так же легко я вбежал к себе на седьмой этаж, сварганил перекусить и только хотел чайком запить, как накатило, да еще как!

Осадок!

Щемит где-то. Легкости как не было. Отодвинул я в сторону чашку, положил перед собой на стол карандаш и пятитысячную купюру да призадумался.

«И чего это я так расстроился? Карандаш у меня есть? Есть. Пять тысяч сберег? Естественно. 4М мне вообще бесплатно достался. Половинка, но — достался! Вот сейчас полегчает...» — успокаивал я себя.

Но вот осадок!

Кассир этот...

Выходит, по результату, как бы — я его, а по ощущению — он меня.

Крепко я задумался, даже не заметил, как соорудил из банкнота самолетик, маленький такой получился самолетик...

«В туалет ему надо! И нечего меня на жалость брать! Вот тебе твоя сдача!» С этими словами я открыл окно и запустил в небо самый дорогой бумажный самолетик всех времен. Увы — не взмыл! А рухнул! Рухнул с седьмого этажа! Карандаш полетел следом! Эх, выкинуть бы еще туда все то, что на душе... Но пора идти на работу. Я вышел на улицу.

Под моим окном стоял человек... ну, не то чтобы очень человек, бомж, одним словом. Но все равно человек, конечно же. Он не просто стоял, он стоял, задрал голову, и то ли смотрел на мои окна, то ли ждал чего-то. Я подошел к нему. Он явно почувствовал мое присутствие, но головы не опустил.

— Вот, прилетел, — сказал он, разжав кулак левой руки, и я увидел свой самолетик, — а вот, следом, — и он показал 4М.

И тут меня прорвало!

— Так чего же ты еще ждешь?! — закричал я. — Ведомости, чтобы расписаться?! Или манны небесной? Будет тебе ведомость, будет!!!

И я помчался к себе на седьмой этаж, забыв о работе, о кассире и даже о карандаше «Конструктор» 4М.

— Будет тебе ведомость! Будет!!!

И потому я не услышал ответа на мой вопрос Человека без определенного места жительства.

— Ничего я не жду. Я — благодарю.

Если хочешь почувствовать себя Богом — подай нищему пятитысячную. Только за этот «подвиг» Там, в Высшей ведомости, против твоей фамилии будет стоять прочерк.

ПУТЬ

Все знали, что мир был плоским и твердым. Это была истина. А гору, в которую они время от времени упирались, просто объявили препятствием. Черепахи не умели поднимать голову вверх, мешал панцирь, а препятствие никому не мешало, и поэтому его просто не замечали. Упрутся в препятствие — и обползают...

Но нашлась одна, которая объявила: «Перелезу!»

Что тут началось!.. Но она — ни в какую: «Перелезу!!!» Ее и стращали, и отговаривали, и умоляли, душой называли.

Но она душой не была. Она долго готовилась, укрепляла и тело, и дух. Изучала литературу о препятствиях, приобрела снаряжение, запаслась провиантом — и полезла.

Гора была действительно высокой. Порой ею овладевали отчаяние, страх и просто усталость. А гора все еще высока, но и цель ВЫСОКА — узнать, каков он, мир, на самом деле. Ей бы оглянуться, но черепахам не дано оглядываться (панцирь!), поэтому только вперед!

Наконец-то она добралась до вершины; истощенная, измотанная, но сильная духом, подползла к самому краю, и впервые в черепашьей истории взглянула на мир сверху, и задохнулась от увиденного. Вовсе не плоским и не твердым оказался окружающий мир, а полукруглым и жидким! Это была новая истина — добытая тяжким трудом, но цель достигнута — правда восторжествовала.

Обратный путь был не менее опасен, но это был путь — Истину несущей, и потому он был — радостен.

Мир — это песчинка суши, окруженная водой — Океаном! И кто же в это поверит?

Но шли годы, появлялись новые доказательства... и новая Истина прижилась.

Даже малыши улыбались словам (еще встречающимся в сказках) о плоском и твердом мире.

Истина восторжествовала!

А где-то в глубинке этого небольшого островка с крошечным вулканом посередине уже подрастал другой ниспровергатель Истин, он сооружал — Плот.

МОЛЧАНИЕ

Юнец обратился к Богу.

— Если ты существуешь, ответь мне, ведь я впервые взываю к имени твоему, и впредь никогда тебе не буду докучать.

Всевышний молчал.

И как только ни обращался он к Господу: и просил, и молил, приказывал,

даже аж ногой в конце топнул. Ни слова в ответ не услышал.

«Молчишь, значит, не существуешь! — думал он. — Но молчать может только то, что существует. Значит, не молчит? А что же тогда он делает? Но и делать может только тот, кто существует...» — вконец запутался отрок.

Долго старался юноша добиться ответа от Бога. Но так и не услышал Его.

Да и как тут услышишь? Когда на ушах твоих наушники, а в наушниках децибелы.

ЦВЕТОК И АРОМАТ

Они стояли друг друга: его красота и его аромат.

Человек: — Я сорвал тебя в поле, принес домой, выходил, пересадил в горшок с купленной в магазине особой землей, а ты не цветешь.

Цветок: — Ты сорвал меня, принес в свое затхлое жилище, долго держал в вонючей воде, выжал из меня корни, затолкал в искусственную почву и еще хочешь, чтобы я расцвел?

Пчела: «Даже если бы он и расцвел, как бы я пробилась к нему через это тройное стекло, этот стеклопакет», — подумала она и полетела дальше.

И ветер был бессилён, и дождь был недосыгаем, и солнечный свет был без ультрафиолета. Но удобрения сделали свое дело! Он расцвел!!!

А аромат?!

Может быть, у вас нос заложило...

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

(В КАРАГАНДЕ)

Жили на свете два волшебника: Добрый и Злой. Добрый творил добро взмахом волшебной палочки, произнося при этом волшебные слова. А Злой, как и положено, творил зло с помощью заклинания и волшебной палочки.

Однажды встретившись, они заспорили.

— Когда я совершаю добро, одним добром на свете становится больше? Больше! Следовательно — одним злом меньше.

— Нет, — возражает Злой волшебник, — добра становится меньше, когда я делаю зло!

— Нет, становится больше...

— Как же больше, когда — меньше...

— Нет, я...

— Нет, я...

Никто не хотел уступать. До драки дело дошло. В ход пошли даже волшебные палочки, как на шпагах сражались на них спорщики. Уже и палочки сломались, уже и измугузили друг друга до синяков, а все не успокоятся. Так и разошлись, бранясь, в разные стороны.

Идет Добрый по дороге, видит: девочка стоит под скалой и горько плачет,

а над ней нависает огромный камень. И он сразу начал творить добро. Произнес волшебные слова, взмахнул палочкой, но добра не случилось — палочка-то сломанной оказалась. Придется без волшебства обходиться.

— Не плачь, девочка, я тебя выручу. Не волшебством, так советом. Сделай три шага в сторону и выйди из-под камня, над тобой нависающего.

— Нельзя мне с места сходить, — отвечает та.

— Почему?

— Правда я, и должна стоять на своем! Страшно мне, дяденька, помогите Правде!

— Я помогу тебе, Правда, не отчаивайся! Есть у меня дома запасная волшебная палочка, я быстро обернусь, — и поспешил к дому своему.

А маленькая девочка показывала ему вслед язык и корчила гримасы, так как это была вовсе и не Правда, а самая настоящая Ложь.

А тут и Злой волшебник появился. И опять заплакала, запричитала девочка.

— Помоги, дяденька, страшно мне!

— Я тебе помогу, я тебе сейчас так помогу, что не обрадуешься, — отвечает тот, и давай заклинание выкрикивать да палочкой размахивать.

Но ничего не случилось. Палочка тоже не работала.

— А ты, дяденька, домой за новой сгоняй, дома, небось, склады палочек волшебных. Я тебя здесь обожду.

— Обойдемся без волшебства, — и давай, Злющий, каменную ворочать.

А девочка еще сильнее зашлась, то ли слезами, то ли смехом.

— Что, страшно, противная девчонка? — радуется злодей. — Сейчас еще страшнее будет!

В сей момент булыжник и рухнул! Но Ложь извернулась, как всегда, и выскочила из-под камня, а Злому волшебнику не повезло — придавило. Тогда он и понял, что не простая была девочка, что вовсе она и не плакала. Но той уже и след простыл.

А тут и Добрый с палочкой возвратился.

— Отвали камень, — взмолился Злой волшебник.

— Если я отвалою камень, — рассуждал другой, — я совершу добро, спасая тебя. Но я сотворю и зло, зло выручая.

А если я ничего не сделаю — то ничего и не совершится, и добра не убавится, и зло не прирастет. Где правда?

— Здесь я, — услышался голос, — давно уж здесь. Я и есть этот самый камень. Этот самый тяжелый камень. Я, Правда — тяжелая. Если ты отвалишь камень руками — ты выпустишь зло. Если освободишь его при помощи волшебной палочки, ты поспособствуешь злу при помощи волшебства. А если ты не освободишь его — ты не совершишь добра и совесть тебя замучает.

— Как же быть? — спросил озадаченный Добрый волшебник.

— Ты плевать умеешь?

— А чего тут уметь-то.

— Вот и наплюй на все. Поверь, легче станет. И в этом горькая правда. А я, Правда, сладкой не бываю.

И Ложь опять показала язык. Это она говорила от имени Правды, спрятавшись за камень.

А что же настоящая Правда, — спросите вы, — где она?

И я отвечу вам где: в Караганде!

Почему так далеко?

Отвечаю.

Там, где в ход идут волшебные палочки, там Правда не живет.

